

Аида Родан

Любовь по назначению

18+

Аида Родан

Любовь по назначению

«Автор»

2025

Родан А.

Любовь по назначению / А. Родан — «Автор», 2025

После ссоры с родителями Николь в отчаянии убегает из дома и попадает под колеса машины. За рулем оказывается Олег - загадочный парень, который вместо того, чтобы вызвать скорую, отвозит ее к знакомому врачу. У девушки лишь легкое сотрясение, но эта случайная встреча переворачивает ее жизнь. Олег предлагает Николь уехать с ним в другой город, и она, жаждущая свободы, соглашается. Однако вскоре она понимает: ее спаситель бандит, связанный с опасным миром криминала. Сможет ли Николь изменить его, или же он втянет ее в череду рискованных событий? Любовь, предательство, выбор между долгом и чувствами - в этой истории. где две одинокие души ищут спасения друг в друге.

© Родан А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Встреча	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Аида Родан

Любовь по назначению

Встреча

Дорога тонула во мраке, густом и абсолютном, словно сама ночь опрокинула на землю чернильную чернильницу. Ни единого фонаря, ни проблеска света вдалеке – только непроглядная темень, обволакивающая мир бархатным, но зловещим покрывалом. Машина еле ползла вперед, словно слепой котенок, ее фары бессильно освещали лишь жалкий клочок асфальта прямо перед капотом. Колеса осторожно перекатывались по неровностям, будто чувствуя невидимую угрозу.

– Ты что так медленно едешь? – недовольно пробурчал пассажир, нервно ерзая на кожаном сиденье. Его пальцы барабанили по центральной консоли.

Водитель, его пальцы побелели от напряжения на руле, лишь покачал головой, не отрывая взгляда от темноты за лобовым стеклом.

– Я тут вообще ничего не вижу. Дорога не освещается. Мало ли что. Неровность, яма, животное какое...

– Да что тут может быть? – пассажир махнул рукой, откидываясь на подголовник. – Просто езжай прямо. Она же ровная!

– Нет, не люблю я такую темноту, – упрямо повторил водитель.

И в тот же миг – резкий силуэт под фарами. Что-то белое, мелькнувшее и исчезнувшее. Сердце водителя упало в пятки, нога рефлекторно ударила по тормозам. Машина дернулась и замерла.

Тишина.

– Что это было? – прошептал пассажир, его глаза расширились от внезапного адреналина.

Но водитель уже распахнул дверь и выскочил наружу.

На дороге, в холодном свете фар, лежала девушка. Раскинутые руки, бледное лицо, русые волосы, прилипшие к щеке.

Она дышала. Медленно, но ровно. А потом ее глаза открылись.

Большие, голубые, бездонные, словно озера в лунном свете. Глубокие, прозрачные и немного испуганные.

– Вам нужна помощь? – голос водителя дрогнул, он присел рядом на корточки, боясь дотронуться. – Вы в порядке?

Девушка промолчала, только губы ее слегка дрогнули, будто она пыталась что-то сказать, но не могла.

– Нет, нет, так не пойдет, – пробормотал он себе под нос, наконец найдя в себе смелость сжать ее холодные, почти ледяные пальцы. – Давай-ка мы тебя отвезем на обследование?

Пассажир, выскочивший из машины, резко повернулся к нему, его брови взлетели к волосам.

– Ты чего? – прошипел он, озираясь по сторонам, как будто опасаясь подвоха.

– Надо убедиться, что все в порядке.

– Да все в порядке! Просто поскользнулась, упала...

– Могла головой удариться! – уже строго сказал водитель, его собственный страх сменился решимостью. – Чего ты споришь?

Он уже не слушал возражений. Он аккуратно, подхватил девушку на руки. Она была легкой, почти невесомой, и он нес ее бережно, будто боялся сломать.

– Я отвезу ее к Павлу, – твердо заявил он, укладывая ее на заднее сиденье.

Пассажир тяжело вздохнул, закатил глаза к темному, беззвездному небу, но спорить уже не стал.

– Окей, – сдавленно бросил он, плюхаясь на пассажирское сиденье. – Павлу так Павлу.

Водитель с заботой поправил сбившуюся прядь волос на ее бледном лбу.

– Все в порядке? – снова спросил он, и в его голосе звучала неподдельная тревога.

Девушка молча кивнула, ее глаза снова закрылись, будто веки стали свинцовыми от усталости или потрясения. Машина тронулась, сначала так же медленно, но вскоре тьма по краям дороги стала редеть. Фары выхватили из мрака размытую обочину, и асфальт заиграл под колесами влажным, почти живым блеском после недавнего дождя. Машина рванула вперед с рывком, словно сорвавшись с невидимой цепи, жадно поглощая теперь уже хорошо освещенное пространство дороги.

– Ну ты даешь! – пассажир фыркнул, его пальцы вцепились в ручку двери так, что костяшки побелели. – То ползешь, как сонная черепаха, то несешься, будто... – он задумался на секунду, подбирая сравнения, – ...точно, как этот синий ежик из игр!

– Да, расслабься! – водитель не сводил рук с руля, но в его голосе появились теплые, почти веселые нотки. Смена скорости будто сбросила с него и часть напряжения. – Сейчас заскочим к Павлу, пусть осмотрит девушку. Все будет хорошо, потом отвезем домой.

– Серьезно? Еще и на порог проводишь! – пассажир скептически поднял бровь.

– Ага, специально сверну с пути, чтобы вышвырнуть ее в канаву, – водитель бросил короткий взгляд в зеркало. – Ты вообще нормальный?

– Я-то нормальный, а вот ты... – начал было пассажир, но замолк, предпочитая сохранить остатки мира.

Наступила тишина, наполненная лишь рокотом двигателя и шумом ветра за стеклом. Вскоре машина свернула в тихий переулочек, где в гуще разросшихся кленов, словно прячась от всего мира, стоял аккуратный домик с резной деревянной калиткой. За одним из окон горел уютный, теплый свет, обещающий безопасность.

Водитель заглушил мотор, и внезапно наступившая тишина оглушила. Он вышел, постоял секунду, вдыхая прохладный ночной воздух, пахнущий мокрой листвой и спокойствием, а затем нажал на кнопку звонка у калитки.

Тишина. Потом из глубины двора донеслись неторопливые шаги. Калитка открылась, и на пороге появился молодой парень. Он был в простой домашней футболке, на лице легкая усталость и вопрос. Его взгляд скользнул по припаркованной машине, задержался на заднем сиденье, где виднелась женская фигура, а потом вернулся к водителю, ожидая объяснений. В его глазах читалась не тревога, а скорее привычная готовность к любым ночным сюрпризам.

– Нам нужно, чтобы ты осмотрел девушку, сказал водитель, и его голос прозвучал глубже обычного, выдавая сдерживаемое волнение.

Павел, стоявший на пороге, нахмурился, его сонные глаза мгновенно стали внимательными.

– Вы чего? – в его тоне прозвучало легкое недоумение, смешанное с профессиональной настороженностью.

– Да нет, все нормально, – водитель замялся, потирая ладонью шею. – Нечаянно... ну, в общем, сбили.

– В смысле?! – Павел оторопел, его брови поползли вверх.

– Да нет, не в таком смысле! – поспешно парировал водитель, махнув рукой, словно отгоняя саму возможность такого исхода. – Ладно, сейчас...

Он распахнул пассажирскую дверь. В салон ворвался ночной воздух, пахнущий мокрой листвой и свежестью. Девушка сделала глубокий вдох, словно вдыхая саму жизнь.

– Я могу идти сама, – сказала она, и ее голос, тихий, но чистый, прозвучал удивительно нежно и красиво в ночной тишине.

– Ты уверена? – его глаза изучали ее лицо, будто пытаясь прочесть по бледной коже признаки надвигающейся слабости или обморока.

– Да, кивнула она, и в ее взгляде читалась твердая решимость.

– Хорошо, пойдём.

Она ступила на землю. Ноги ее слегка дрожали, но держали. Водитель шел в полушаге сзади, его рука незримо тянулась вперед, готовясь в любой момент подхватить ее. Павел стоял на крыльце, склонив голову набок. В его внимательном взгляде читалось не столько недоумение, сколько тихое профессиональное любопытство, будто перед ним разворачивалась какая-то странная, но увлекательная история.

Павел мягко провел девушку через короткий коридор, освещенный теплым, приглушенным светом ламп.

Его кабинет оказался небольшим, но уютным помещением. Воздух в нем был напоен легким ароматом лекарственных трав и стерильной чистоты. Все здесь говорило о частной, но очень аккуратной практике, обустроенной с искренней заботой о пациентах.

Он усадил девушку в мягкое кожаное кресло и начал осмотр профессиональными, но бережными движениями. Его пальцы, теплые и уверенные, аккуратно исследовали возможные ушибы, задавая попутно тихие, спокойные вопросы: «Здесь болит? Кружится ли голова? Чувствуешь ли тошноту?» Его голос был ровным, умиротворяющим, способным успокоить любую тревогу.

Убедившись, что никаких серьезных повреждений нет, лишь несколько ссадин и легкий шок, Павел кивнул ей ободряюще и вышел прихожую. Там его ждали двое мужчин – водитель и его пассажир, которые переминались с ноги на ногу.

– С ней все в порядке, – сообщил Павел, понижая голос до доверительного шепота.

Олег, высокий черноволосый парень, провел рукой по коротко стриженным волосам. На его лице отразилось мгновенное облегчение, смешанное с легкой растерянностью.

– Главное, что здорова, – выдохнул он, и в его голосе звучала искренняя забота, которая, казалось, успокоила и его самого.

Сергей, более коренастый и импульсивный, тут же подхватил, похлопывая Олега по плечу:

– Ну вот и отлично! Отвезем ее домой, и дело с концом.

Когда девушка вышла из кабинета, в коридоре, освещенном мягким светом, ждал только Олег. Сергей с Павлом уже вышли на улицу, и их приглушенные, обрывочные фразы доносились через открытую дверь, смешиваясь с шелестом ночных листьев.

Олег прислонился к стене. Он изучал хрупкую фигуру перед собой, такую потерянную и в то же время невероятно стойкую.

– Как тебя зовут? – спросил он, и его голос, обычно такой твердый, сейчас звучал почти нежно.

– Николь, – ответила она, и ее имя прозвучало странно, как мелодичный диссонанс в этом простом русском доме, пахнущим чаем и старым деревом.

– Это твое настоящее имя? – уточнил Олег, слегка наклонив голову.

– Да, мое, – в ее голосе послышалась тень усталой обороны, будто этот вопрос ей задавали уже много раз.

– Необычное, – заметил он, пытаясь поймать ее взгляд.

– Папа был немцем, – пояснила она монотонно, словно заученную, давно надоевшую фразу.

– Был... То есть его уже нет? – Олег невольно сделал шаг вперед, его интерес стал глубже, выходя за рамки простой вежливости.

– Я не знаю его. Он исчез, когда я была маленькой, – ее глаза на мгновение встретились с его взглядом, и в них промелькнуло что-то неуловимое – не боль, а скорее привычная, выстрададанная пустота, как давно затянувшаяся рана.

– А мама? – не унимался Олег, чувствуя, что задевает что-то болезненное, но не в силах остановиться.

– С мамой? Мы не общаемся, – ее голос оставался ровным, но в нем появилась легкая стальная нотка.

Олег отшатнулся, будто получил невидимый удар в грудь.

– Как можно не общаться с мамой? – вырвалось у него с неподдельным, почти детским потрясением. Он смотрел на эту хрупкую девушку с необычным именем и понимал, что ее «все в порядке» – это всего лишь физическое состояние. А внутри... внутри была пустота, которую он, такой сильный и взрослый, даже не мог до конца осознать.

Слова Николь повисли в воздухе, холодные и безжизненные: «Мы не общаемся». И в этот миг перед глазами Олега всплыли образы, размытые, как старые фотографии, но от этого не менее острые.

Мама. Его мама. Уставшая, с потрескавшимися от холода и работы руками, но всегда – всегда! – улыбающаяся ему. Даже когда ее глаза были мутными от выпитого, в них теплилась искорка любви только для него. Она пахла дешевым одеколоном и домашним супом, и даже в самые трудные дни ее объятия оставались для него неприступной крепостью, единственным настоящим миром.

Потом – голоса за дверью. Соседи. Социальные работники. Их строгие, неумолимые лица. «Она не справляется», – говорили они, а он, семилетний, прижавшись к маминой поношенной юбке, не понимал. Разве опасно, когда тебя гладят по голове, когда читают сказки на ночь, даже если голос иногда спотыкается и путает слова? Разве опасность – это теплые, пусть и дрожащие руки?

Но его забрали.

Детский дом. Два года бесконечных правил, чужих взглядов, тоски по запаху маминых духов и ее смеху. И побег. Долгий, изматывающий, через полгорода, с одним-единственным желанием – вернуться.

Но дома ее уже не было.

Пустая квартира, и тихий голос соседки: «Твоя мама умерла».

Он так и не смог простить себя. Не смог простить их всех – тех, кто забрал, кто не дал шанса, кто разлучил их навсегда.

А теперь перед ним стояла она. Николь. С ее бездонными глазами и коротким «мы не общаемся», сказанным так легко, будто это просто факт, а не оборванная на взлете нить самого важного жизни.

Он смотрел на нее, и в груди клубилось что-то тяжелое, удушающе знакомое – смесь вины, боли и яростного, животного протеста против этой несправедливости.

– Ты... – его голос дрогнул, сорвался. Он замолчал, потому что не находил слов. Какие слова можно сказать тому, кто, кажется, уже смирился с пустотой? Кто принял ее как данность?

Он вдруг понял, простую и страшную вещь. Он не хочет, чтобы она исчезла. Не хочет, чтобы ее жизнь продолжила катиться по этому накатанному пути одиночества, как когда-то исчезла его мама, оставив после себя лишь тишину и чувство вины, которое он несет всю жизнь. В этом хрупком, раненом создании он увидел отголосок собственного прошлого. И против этого он восстал всей душой.

Олег вдруг резко вздохнул, словно набравшись решимости перед прыжком в неизвестность.

– У меня есть к тебе предложение, – его голос прозвучал неожиданно твердо, хотя в глубине глаз читалось сомнение. Он и сам не понимал, откуда взялись эти слова, будто кто-то другой говорил его устами. – Ты можешь поехать со мной?

Николь медленно подняла на него глаза. Большие, бездонные глаза, в которых читалось скорее удивление, чем испуг. В них отразился его собственный силуэт, напряженный и немного нерешительный.

– У меня есть дом, бизнес, – он говорил быстро, сбивчиво, будто боялся, что передумает, что она прервет его. – И я тебе не буду мешать. У тебя будет отдельная комната, – он сделал паузу, чтобы перевести дух.

– Ты можешь отказаться или уехать в любой момент, я не буду возражать.

Он замер, ожидая. Сердце бешено стучало где-то в висках, а в голове крутилась лишь одна мысль: «Что я вообще несу? Это безумие».

Но она кивнула. Тихо, всего один раз, коротким движением головы, но это был кивок.

– Тогда нам пора, – Олег выдохнул, не ожидая такого простого согласия. В его груди что-то екнуло – облегчение, смешанное с новой порцией тревоги.

Они вышли во двор, где в клубах сизого дыма стояли Павел и Сергей. Последний как раз затягивался сигаретой, выпуская дым аккуратными колечками в ночной воздух, пытаясь скрыть свое напряжение.

– Она едет с нами, – бросил Олег, стараясь говорить ровно, без эмоций, как будто сообщал о погоде.

Сергей поперхнулся. Дым резко вырвался из его легких, превратившись в бесформенное белое облако. Он закашлялся, тыча пальцем в сторону Олега, глаза его были круглыми от непонимания.

– Ты..., ты вообще в своем уме?! Ты ее знаешь? Кто она такая? – его голос сорвался на фальцет.

Но Олег лишь пожал плечами, и в его взгляде читалось странное, новое спокойствие, будто решение было принято кем-то свыше, а он лишь исполнял волю.

– Я да, и мы едем вместе, – его тон не допускал возражений.

Павел молча наблюдал за этой сценой, скрестив руки на груди. Его взгляд внимательный, аналитический, скользнул с Олега на Николь, потом обратно. И в уголках его глаз появилось что-то, отдаленно напоминающее понимание. Он ничего не сказал, лишь слегка кивнул, как будто видел нечто большее, чем остальные.

Ночь вокруг была все такой же темной, воздух – все таким же холодным. Но теперь в ней появилась какая-то новая, едва уловимая нить. Тонкая, как паутинка, но на удивление крепкая. Как первое, еще робкое обещание, данное в тишине между двумя людьми, которых судьба свела на темной дороге.

Глава 2

Ночь тянулась бесконечно долго, словно темный-шелковый шлейф, окутывающий дорогу. Николь дремала, прислонившись головой к холодному стеклу машины. Ее дыхание рисовало призрачные, мимолетные узоры на поверхности, которые тут же таяли. Она не видела, через какие спящие села и темные поля пролегал их путь, не знала, куда именно они едут. Мир за окном был всего лишь черным бархатным полотном, усеянным редкими серебряными булавками звезд.

Когда машина наконец плавно остановилась, сквозь пленку сна она уловила легкий скрип тормозов и тишину, наступившую после затихшего мотора. Подняв тяжелые, слипающиеся веки, Николь увидела сначала размытые контуры высокого кованого забора, который в свете фар казался сложной черной кружевной оградой, отгораживающей какой-то иной, незнакомый мир.

Автоматические ворота бесшумно раздвинулись, без единого скрипа, пропуская их внутрь. Дорога утопала в темноте, но фары выхватили из мрака огромный дом. Таким большим, что в свои восемнадцать лет Николь даже представить не могла, что у одного человека может быть подобное жилище. Каменные стены, высокие арочные окна, отражающие лунный свет, черепичная крыша, теряющаяся в тенях – все это напоминало декорации из какого-то старинного фильма, а не реальное место, где ей предстояло теперь жить.

Дверь машины с мягким щелчком открылась, впуская внутрь прохладный, пахнущий цветами ночной воздух.

– Не спишь? – голос Олега прозвучал тихо, почти шепотом, будто он боялся ее напугать или разбудить слишком резко.

– Нет, – ответила она. Ее собственный голос показался ей чужим, приглушенным усталостью и легким онемением от долгой дороги.

– Хорошо. Пойдем, я покажу тебе твою комнату, – он сказал это просто, но в его словах чувствовалась какая-то особая забота. – Я позвонил, попросил подготовить ее для тебя.

Он вышел и обошел машину, чтобы открыть ей дверь. Его рука, сильная и уверенная, протянулась ей для опоры. Николь задумалась на мгновение, затем приняла его помощь. Ее ноги затекли от долгого сидения, и земля под ногами показалась немного неустойчивой.

Они пошли по гравийной дорожке к массивной дубовой двери. Ночь вокруг была наполнена тихим стрекотанием сверчков и сладким, тяжелым ароматом ночных цветов. Этот дом, этот сад – все казалось нереальным, волшебным сном, в который она нечаянно попала. И человек рядом, такой уверенный и спокойный, был ее проводником в этот новый, неизведанный мир.

Внутри дома горел приглушенный свет, теплый свет, льющейся из изящных бра на стенах. Он был не ярким, но достаточным, чтобы разглядеть длинный коридор с темными деревянными панелями, в которых отражались их силуэты. Их шаги глухо отдавались на полированном паркете, нарушая царящую здесь торжественную тишину.

Поднявшись по широкой, плавно изгибающейся лестнице на второй этаж, Олег остановился перед одной из дверей.

– Вот, – он мягко кивнул в сторону двери. – Твоя комната. Располагайся.

Николь молча кивнула, ее глаза с любопытством скользнули по поверхности двери, пытаясь представить, что скрывается за ней.

– Ах да, – Олег вдруг хлопнул себя по лбу, и в этом жесте было что-то почти мальчишеское, снимающее напряжение. – У тебя же нет вещей. Ничего. Завтра что-нибудь придумаем, ладно? А сейчас можешь принять ванну. Отдохнуть после дороги. Ванная прямо в комнате.

– Да, наверно... Спасибо, – прошептала неуверенно Николь, и сделав глубокий вдох, переступила порог комнаты.

Пространство, в которое она вошла, встретило ее мягким, золотистым светом настольной лампы и легким, едва уловимым ароматом свежего белья. Большая кровать с высоким изголовьем, застеленная покрывалом цвета сливок, утопала в гряде пушистых подушек. Письменный стол из темного дерева стоял у высокого окна, за которым теперь была только ночь. Книжные полки частично заполненные, словно ждали своего наполнения. Все здесь выглядело так, будто терпеливо ждало ее появления долгие годы.

Дверь за ее спиной тихо закрылась, оставив ее наедине с этим новым, незнакомым и пугающе прекрасным пространством.

Николь медленно, почти робко, провела ладонью по стене, ощущая под пальцами прохладную, едва заметную фактуру дорогих обоев. Она сделала несколько шагов вглубь комнаты, ее босые ноги тонули в мягком ворсе ковра.

Она замерла на пороге ванной комнаты, и ее глаза слегка расширились от изумления. Просторное помещение с отделкой из светлого мрамора с золотистыми прожилками казалось ей огромным, роскошным, куда больше той крохотной, тесной каморки, которую она когда-то называла своим уголком. Все здесь было новым, чужим и невероятным.

Здесь все было продумано до мелочей. На вешалке у ванной аккуратно висел пушистый халат цвета крем-брюле. Рядом, сложенное идеальным прямоугольником, лежало большое банное полотенце, а поменьше – с изящной вышивкой в уголке – для лица. На стеклянной полочке, словно экспонаты в музее, лежали новенькие тапочки в целлофане и зубная щетка в стерильной упаковке. Рядом выстроились стройный ряд флаконов с шампунями и гелями для душа, с незнакомыми ей французскими названиями, пахнущими то альпийскими травами, то цветущим миндалем.

«Наверное, так выглядит пятизвездочный отель», – подумала Николь, хотя никогда не бывала даже в самой захудалой гостинице. На секунду ее даже посетила странная мысль: а вдруг они действительно находятся в отеле?

Но нет. Олег говорил, что это его дом.

Она быстро приняла душ, смывая с себя дорожную пыль и усталость. Горячая вода обжигающе приятными струями смывала не только грязь, но и тяжёлые воспоминания последних месяцев. Холодные подъезды с граффити, случайные ночлежки, голодные вечера. Вода уносила все это в сток, оставляя кожу чистой и пахнущей чем-то незнакомым и дорогим.

Вернувшись в комнату, Николь аккуратно разложила подушки. Большинство из них, пухлых и нарядно-белых, отправились на глубокое кресло у окна, оставив на кровати лишь две. Белоснежное постельное белье, пахнущее свежестью и чем-то цветочным, манило своей идеальной гладкостью. Легкий аромат, витающий в воздухе, щемяще напоминал ей о чем-то давно забытом, утерянном. Может, о детстве, которого у нее почти не было – о коротких мгновениях, когда мама еще читала ей сказки на ночь.

Перед тем как погрузиться в сон, Николь задумалась: «А будет ли ее кто-то искать?»

В памяти всплыли образы последних дней в той квартире, которую она когда-то с наивной надеждой называла своим домом. Мать, вечно недовольная, с глазами, полными раздражения: «Ты испортила мне жизнь своим рождением». Потом появился у матери новый мужчина, и Николь стала совсем лишней, пятном на их новой, «правильной» жизни.

Последний год учебы она практически жила на улице. Ночевала то в подъездах, то у подруг. Ела, что придется: то скудные школьные обеды, то случайные угощения.

Но самое страшное было даже не это. Самое страшное было то, что мать даже не пыталась ее искать. Ни разу. Никто не знал, и не спрашивал, что она уже давно не живет дома. Она была призраком, невидимкой, исчезновение которой никто не заметил.

Николь закрыла глаза, уткнувшись лицом в невероятно мягкую подушку. Впервые за долгое-долгое время она чувствовала себя в безопасности. В этой странной, роскошной комнате, в этом огромном, тихом доме, с этими незнакомыми, немного странными людьми. За окном тихо шумел ночной ветер в кронах деревьев, будто убаюкивая ее, шепча: «Спи, теперь все будет хорошо».

Но Николь не верила в сказки. Слишком много раз жизнь больно била ее, забирая последние надежды. Она просто позволяла себе эту ночь. Одну-единственную ночь тепла, чистоты и покоя, прежде чем завтра снова встретиться с суровой реальностью. И этот миг, этот хрупкий островок безопасности, она приняла как дар, затаив дыхание, боясь спугнуть.

Глава 3

В просторной гостиной, затянутой в легкие солнечные тени, царил почти идиллическая картина. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь кружевные занавески, играли бликами на столе, накрытом белоснежной льняной скатертью. За столом сидели трое. Олег, откинувшись на спинку стула, лениво перелистывал глянцевого журнала, хотя взгляд его скользил по страницам, не задерживаясь. Сергей, сидевший напротив, с аппетитом уплетал свежий хлеб с хрустящей корочкой, явно не дожидаясь подачи первого блюда. Рядом с ними, изящно откинувшись, расположилась Света, сестра Сергея. Она поправляла непослушную прядь белокурых волос, выбившуюся из небрежного хвоста.

Тетя Оля, истинная хозяйка и душа этого дома, степенно разливала по глубоким тарелкам ароматный суп – тот самый, с нежными фрикадельками и тонкой вермишелью, который Олег обожал с самого детства. Запах свежего укропа и домашнего бульона витал в воздухе, создавая уютную атмосферу.

– Как твоя гостья? – неожиданно спросил Сергей, прерывая комфортную тишину и отправляя в рот последний кусок хлеба.

Света тут же подняла глаза от своей тарелки, насторожившись. Ее взгляд стал острым, изучающим.

– Какая гостья? – в ее голосе прозвучала легкая, но явная нотка недоумения и любопытства.

Олег лишь ухмыльнулся в ответ, не удостоив ее взглядом, и повернулся к тете Оле, которая уже убирала пустую супницу.

– Гостья еще не спускалась? Вы не проверяли?

– Проверяла, – кивнула та, и на ее добром лице появилась теплая, почти материнская улыбка. – Спит, малышка, сладко.

– Спит малышка? – Света резко отодвинула свою тарелку, ее идеально подведенные брови поползли вверх от изумления. – О чем вы вообще? Что за малышка?

– А вот та самая гостья, – Сергей махнул рукой в сторону лестницы, его голос прозвучал с насмешливой небрежностью, но в глазах читался интерес.

Света медленно, почти механически, повернула голову. И замерла.

На ступенях, освещенная мягким светом огромной хрустальной люстры, стояла девушка. Она была закутана в мягкий кремовый халат, который казался на ней слишком большим. Ее русые волосы были слегка растрепаны после сна, создавая вокруг головы нимб из тонких прядок. А большие, широко распахнутые глаза, смотрели на собравшихся с тихой, почти детской неуверенностью и легким испугом. Она стояла, прижимая полы халата к себе, будто пытаясь стать меньше, спрятаться в его складках.

Света наблюдала за Олегом. Она видела, как он смотрит на эту странную, почти призрачную девушку, появившуюся из ниоткуда на их лестнице. И в его взгляде было нечто, чего Света никогда раньше не видела. Не та привычная, немного отстраненная ласковость, с которой он иногда смотрел на нее саму. Не холодная оценка, которую он бросал на других женщин. Эта девушка была другой. Света поняла это мгновенно, сердцем, а не разумом. Она знала Олега лучше, чем кто-либо другой. Их когда-то связывала слишком тесная близость, чтобы она не могла не заметить малейших перемен в нем.

Их собственный роман угас тихо, без скандалов и слез, словно осенний костер, оставивший после себя лишь горстку пепла. Она смирилась с тем, что Олег всегда смотрел на женщин спокойно, без той дикой, всепоглощающей страсти, которую она когда-то тщетно надеялась в нем разжечь. Она даже ловила себя на тихой надежде: «Может, когда-нибудь... Может, однажды он посмотрит на меня так».

Но сейчас...сейчас он смотрел так на ту, другую. И в его глазах было именно то, о чем она так отчаянно мечтала. Нежность. Защита. Какое-то глубинное, почти животное внимание, смешанное с неподдельным интересом.

Пальцы Светы непроизвольно впились в красивую льняную скатерть. Но ее лицо, годами учившееся скрывать эмоции, осталось абсолютно спокойным, лишь в уголках губ затаилась легкая, ничего не значащая улыбка. Только где-то глубоко внутри, в самой глубине ее души, что-то оборвалось. Беззвучно. Безнадежно. Окончательно.

Увидев Николь на лестнице, Олег мгновенно поднялся из-за стола. Его движения были не просто быстрыми, они были порывистыми, почти инстинктивными, лишенными привычной сдержанности. Он подошел к ней, и в его голосе, когда он заговорил, зазвучали теплые, мягкие нотки, которых раньше никто и никогда здесь не слышал.

– Как спалось? – спросил он, и в этих простых словах было столько участия, что Света почувствовала, как по ее спине пробежал холодок.

Девушка слегка потеряла глаза, словно ребенок, разбуженный среди ночи. Этот простой, невинный жест тронул что-то в сердце Светы, вызвал новую волну горькой зависти.

– Кажется, я никогда так сладко не спала, – ее голос был тихим, немного сонным, бархатным от недавнего пробуждения. – Хотела бы еще поспать, но ... – она положила ладонь на живот с таким естественным, детским жестом, – ... он очень хочет есть.

Олег рассмеялся. Рассмеялся искренне, по-настоящему, от души. Этот смех прозвучал в гостиной как гром среди ясного неба. Эта простая, такая естественная и наивная фраза тронула его явно больше, чем все утонченные фразы, которые он когда-либо слышал от других.

Света опустила глаза в свою тарелку, больше не в силах наблюдать за этой сценой. Она поняла, что игра проиграна. Даже не начавшись.

– У нас как раз вкуснейший супчик, – спохватился Олег, его голос прозвучал чуть торопливее, словно он боялся, что этот хрупкий миг испарится, что она передумает и убежит обратно наверх.

– Сейчас принесу и для тебя посуду, девочка, – тетя Оля, вся сияющая материнской заботой, засуетилась и почти побежала на кухню, вернувшись с изящной фарфоровой тарелкой нежного молочного оттенка с тонкой золотой каймой.

Олег бережно, почти с благоговением, пододвинул стул, усадив Николь рядом с собой. Она наклонилась над тарелкой, и ее глаза, еще недавно сонные, загорелись искренней, детской радостью.

– М-м-м, какой аппетитный супчик, – прошептала она, вдыхая аромат укропа и домашнего бульона. – Мой любимый.

– И мой тоже, – Олег улыбнулся, и в его взгляде было что-то новое, незнакомое даже ему самому. Какая-то глубокая, тихая нежность, смешанная с гордостью, будто он сам приготовил этот суп специально для нее.

Света наблюдала за этой сценой, и ее пальцы с такой силой сжали салфетку, что та грозила порваться. Она побледнела, будто перед ней внезапно разверзлась бездонная пропасть. Он никогда так не заботился ни о ком. Ни о ней. Ни о других женщинах, появлявшихся в его жизни. Никогда. Он был вежлив, щедр, но всегда – дистанцирован, словно за стеклом. А сейчас? А сейчас он смотрел на эту девушку так, словно она была не случайной гостьей, а самым важным, самым хрупким и драгоценным существом в его вселенной.

Света чувствовала, как что-то внутри нее с грохотом разрывается на тысячи осколков. Она потеряла его. Окончательно и безвозвратно.

Пока Олег и Николь перешептывались, смеясь над какими-то пустяками, которые казались им невероятно смешными. Света понимала – холодная, темная волна ненависти уже поднимается в ней, беспощадная и удушающая. Ненависть к этой незваной гостье, которая одним своим тихим появлением перевернула все с ног на голову.

Тонкие, ухоженные пальцы Светы сжались в белые от напряжения кулаки под столом. Она собрала всю свою злость, всю обиду, всю невысказанную боль в один тугий, раскаленный узел, и сделав глубокий вдох, произнесла с натянутой, почти идеальной улыбкой, в которой лишь ее глаза выдавали бурю:

– Может, все-таки представим гостью?

Ее голос прозвучал легко и непринужденно, но в тишине гостиной он упал как камень. Все взгляды разом устремились на нее. Олег на мгновение оторвался от Николь, его брови слегка поползли вверх. Даже тетя Оля замерла с супницей в руках. Света же, не моргнув глазом, держала свою ядовитую улыбку, готовая вонзить в незнакомку свое лезвие, замаскированное под вежливость.

Олег, будто очнувшись, кивнул:

– Николь, это Света. Света, это Николь. Серега, – он махнул рукой в сторону друга, – тебя уже знает.

Света медленно обвела Николь оценивающим взглядом, будто покупатель, рассматривающий товар с сомнительной репутацией. Ее губы растянулись в сладкой, но абсолютно фальшивой улыбке.

– Какое... интересное имя, – протянула она, и в ее голосе звенел приторный мед, за которым скрывался лед.

– Ну да, очень интересное, – задумчиво почесал подбородок Сергей, не отрывая глаз от Николь. – Николь... Где-то я его слышал.

– Просто у Николь папа немец, – мягко, но твердо пояснил Олег, наливая девушке стакан свежевыжатого апельсинового сока. Его движение было бережным, почти интимным.

– Фашист! – бросил Сергей с нарочито невинным видом, увлеченно разглядывая узор на своей вилке.

Тишина повисла в гостиной тяжелым, давящим покрывалом. Олег резко опустил хрустальный кувшин на стол, и стекло звонко звякнуло, протестуя против грубого обращения.

– Сергей! – его голос стал низким и опасным, как рычание хищника перед прыжком. – Прошу без оскорблений.

– Что я такого сказал? – развел руками тот, изображая наигранное недоумение, но в его глазах читалось явное удовольствие от вызванного напряжения. Он, как мастерский кукловод, дергал за ниточки, наслаждаясь хаосом.

Николь тихо опустила ложку. Фарфор едва слышно стукнул о край тарелки.

– Да нет, все нормально, – ее голос прозвучал удивительно спокойно, но кончики ее пальцев слегка дрожали, выдавая внутреннюю бурю. – Я не знаю... Может, он и был фашистом. Я его не знаю.

– Может, еще и гены остались, – не унимался Сергей, бросая на нее колкий, ядовитый взгляд.

– Прекрати! – Олег ударил ладонью по столу. Тарелки звеняще подпрыгнули, а его глаза вспыхнули холодным, стальным огнем. – У нас у всех гены не святые, – добавил он уже тише, но с непоколебимой твердостью, бросая взгляд на Сергея, полный немого предупреждения.

– Мальчики, перестаньте, – вдруг вмешалась Света, ловя взгляд Сергея. В его глазах она прочла не просто насмешку, а настоящую, живую, кипящую ненависть к незваной гостье. Но в тот момент ее больше волновало другое. Олег защищает ее. Защищает так яростно, так безоговорочно, как никогда не защищал ее, ни кого бы то ни было другого. Эта мысль жгла изнутри сильнее, чем любая обида. Она видела, как его рука непроизвольно легла на спинку стула Николь, как его плечо закрывало ее от нападков – защитный жест, который говорил громче любых слов.

Света медленно провела языком по пересохшим губам, чувствуя, как где-то глубоко внутри закипает новый, еще более горький комок обиды. Он подступал к горлу, вызывая легкую тошноту.

А Николь сидела, опустив глаза в тарелку, будто стараясь стать как можно меньше, невидимой, раствориться в воздухе, исчезнуть из этого напряженного поля.

Тишину за столом нарушил Олег. Он повернулся к Свете, и его лицо внезапно смягчилось.

– Свет... – его голос звучал мягко, почти просительно, но в глубине глаз читалась непоколебимая решимость. – Можешь сделать для меня одну просьбу?

Света буквально расцвела под этим взглядом. Губы сами растянулись в широкой, сияющей улыбке, а в груди затеплилась маленькая, наглая надежда. Он просит меня о чем-то. Только меня.

– Конечно! – ответила она, чуть ли не подпрыгнув на стуле от нетерпения. – Что угодно!

– Дело в том, что у Николь нет вещей... – Олег кивнул в сторону девушки, которая съжилась еще сильнее. – Можешь с ней съездить по магазинам? Помочь выбрать все необходимое?

Улыбка на лице Светы застыла, словно высеченная изо льда. Она не ожидала такой просьбы. Не этого она ждала. Но уже через секунду в ее голове, привыкшей к интригам, закрутилась мысль, быстрая и цепкая. «Это шанс. Шанс узнать о ней больше... Выяснить, что она из себя представляет. И как от нее... избавиться».

– Конечно! – ее голос прозвучал неестественно бодро и громко, нарушая тишину. – Я с удовольствием прокачусь с Николь! – Она повернулась к девушке, и ее взгляд стал сладким, как сироп, но глаза оставались холодными. – Когда будешь готова?

Николь, пережевывая кусочек булочки, растерянно моргнула:

– Я... я могу в принципе сейчас собраться, – прошептала она, чувствуя на себе тяжелый, оценивающий взгляд Светы.

– Хорошо, тогда через полчаса жду тебя во дворе, – Света встала, изящно поправляя складки на своей идеальной юбке. Ее движения были отточенными, грациозными и полными скрытой угрозы.

– Хорошо, – кивнула Николь, чувствуя, как в груди смешиваются два противоположных чувства. Легкий, холодный страх перед этой надменной девушкой, и детское, щемящее возбуждение от предстоящего шопинга – чего-то, о чем она читала только в книгах или видела в подростковых сериалах.

– Замечательно, – Олег отодвинул стул, явно довольный исходом дела. – А мы с Сергеем отправимся по своим делам.

Сергей встал с преувеличенной неохотой и нарочито театрально поклонился.

– Я покурю, ожидая вашу светлость, – бросил он с язвительной ухмылкой.

Света тоже вышла, бросив на прощание на парочку сладкую, ядовитую улыбку.

– Через полчаса, – напомнила она, и в ее голосе звенел стальной легкий звон.

Олег между тем наклонился к Николь, понизив голос до доверительного шепота.

– Я тебе оставлю карту. Возьми все, что хочешь. Не стесняйся, – он чуть улыбнулся, и в его глазах мелькнула теплая искорка. – Можешь купить весь магазин, если захочешь.

Еще одна теплая улыбка, и он вышел, оставив после себя легкий шлейф дорогого парфюма и чувство защищенности.

Николь осталась одна в опустевшей гостиной. Странное чувство охватило ее, будто она балансирует на тонкой грани между страхом и предвкушением. С одной стороны, эта Света явно ее недолюбливает, с ее острым языком и колючим взглядом. С другой – «Весь магазин». Весь магазин. Уголки ее губ дрогнули в легкой, почти неуловимой улыбке.

«Ну что ж... – прошептала она себе. – Раз уж я здесь».

И, подхватив последнюю булочку, отправилась наверх собираться. Чувствуя, как где-то глубоко внутри, под слоем страха и неуверенности, рождается новое, почти забытое чувство – радостное, щекочущее нервы волнение.

Глава 4

Машина плавно скользила по городским улицам, а Николь наблюдала в окно, пытаясь разглядеть очертания в мелькающем калейдоскопе незнакомого мира. Вывески магазинов, названия остановок, непривычная архитектура, – все казалось сном, немного тревожным и совершенно нереальным. Вопрос «Какой это город?» – вертелся на языке, но как его задать, не показавшись полной дурочкой, не знающей, куда она приехала.

Света плавно управляла рулем одной рукой, изящно перебирая пальцами кожаную оплетку. Ее внимательный, холодноватый взгляд то и дело скользил в сторону пассажирки, изучая ее украдкой. Эта странная девочка выглядела так, будто только что свалилась с луны – во взгляде читалась растерянность.

Первый вопрос сорвался с губ Светы сам собой, резкий и бесцеремонный, нарушая тишину салона, пахнущего новым кожаным салоном и ее дорогими духами.

– У тебя вообще нет вещей?

– Н-нет... – Николь смущенно опустила глаза, будто в этом признании было что-то постыдное, глубоко личное. – Ничего нет.

Следующий вопрос висел в воздухе, тяжелый и неизбежный, как приговор. Света выдержала паузу, наслаждаясь напряжением.

– А как ты познакомилась с Олегом? – ее голос прозвучал сладко, но в нем чувствовался стальной крючок любопытства.

– Я... я не помню, – прошептала Николь.

Света резко перевела взгляд на дорогу, чтобы скрыть внезапную вспышку изумления. «Не помнит? Как это возможно?» Мысли в ее голове запрыгали, как разбуженные роем пчелы, складываясь в тревожную, отрывочную картину. Откуда эта девочка? Почему у нее ничего нет? И главное – что такого нашел в этой «потеряшке» Олег, чего не было в других?

Но внешне Света сохранила полное спокойствие. Ее губы тронула легкая, почти невидимая улыбка. Раз нет вещей – нет и прошлого. А значит, с ней будет проще... или опаснее.

– Но раз нет вещей никаких, – произнесла она, и ее голос вновь зазвучал светло и беззаботно, – я знаю, куда мы поедем.

Она резко, почти спортивно, повернула руль, и мощный автомобиль послушно сменил полосу, унося их вглубь незнакомого города, вглубь его торговых районов.

Торговый центр встретил их прохладной волной кондиционированного воздуха и навязчивым ритмом фоновой музыки. Света, словно опытный проводник в мире роскоши, уверенно повела Николь в отдел нижнего белья. Она наблюдала, как та робко, почти благоговейно, трогает висящие на вешалках комплекты, ее пальцы осторожно скользили по шелку и кружевам, будто прикасаясь к чему-то запретному.

– Я... я никогда не покупала себе белье, – призналась Николь, и ее голос прозвучал так тихо, что его едва было слышно под звуки музыки. Ее пальцы, тонкие и немного дрожащие, задержались на простеньких хлопковых трусиках с наивными детскими рисунками – уточками и цветочками.

Света прикусила губу, чтобы не выдать изумления. «Что за чудо природы!» – пронеслось у нее в голове.

– Николь, а сколько тебе лет? – спросила она, намеренно смягчая голос, делая его бархатным и участливым.

– Восемнадцать, – ответила девушка, и в ее глазах мелькнуло что-то неуловимое – то ли стыд, то ли тень старого страха, глубоко запрятанного.

Света глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. «Не помнит знакомства, нет вещей, никогда не покупала белья...». Пазл складывался в странную, тревожащую картину. Но любо-

пытство пересиливало осторожность. Она взяла Николь за руку – ее ладонь была удивительно маленькой и холодной – и подвела к центральной стойке с соблазнительными кружевными комплектами.

– Вот это – настоящее женское белье! – с легкой театральностью в голосе сказала Света. – Тебе нравится?

Николь осторожно, кончиками пальцев, потрогала шелковистую ткань нежно-персикового цвета. Ее глаза, широко распахнутые, загорелись неподдельным, почти детским восхищением.

– Да... Оно такое красивое! – воскликнула она, и в ее голосе впервые прозвучали чистые эмоции. – У меня никогда такого не было!

«Господи! Откуда же ты, дитя?» – мысленно ахнула Света.

Последний вопрос вырвался сам собой, подгоняемый жгучим любопытством:

– Николь, у тебя был парень?

– Нет, – ответила девушка, и ее щеки залил густой, алый румянец, докатившийся до самых корней волос.

– Тогда все ясно, – пробормотала себе под нос Света, с новым интересом помогая выбрать несколько элегантных комплектов.

И тут Николь вдруг замерла у полки с пижамами. Ее внимание полностью поглотила одна из них. Глаза загорелись таким чистым, безудержным восторгом, что Света невольно обернулась.

– Ой, смотри! Пижамка с Микки Маусом! – воскликнула Николь, хватая комплект из мягкой фланели с изображением знаменитого мышонка.

Она прижала мягкую ткань к груди, будто это было не просто изделие из ткани, а самое драгоценное сокровище на свете. Ее лицо озарила такая радостная, беззаботная улыбка, что Света на секунду растерялась.

Света едва не выронила дорогие кружевные комплекты, которые держала в руках. Она медленно, очень медленно повернула голову, уставившись на Николь с немым, ошеломленным вопросом в глазах. Ее острый, циничный ум, привыкший к сложным интригам и расчетам, впервые столкнулся с чем-то настолько... простым и искренним.

– Я возьму себе такую пижамку! – радостно объявила Николь, даже слегка подпрыгнув на месте от восторга.

«Пижамка. С Микки Маусом?» – мысленно, по слогам, повторила Света, чувствуя, как голове начинает проясняться. Картинка, наконец, складывалась.

Внезапно ее осенило. Олег ездил в свой родной город, и он из детского дома...

– Детка, – осторожно начала Света, натягивая на лицо маску заботливой старшей сестры, – а ты, случайно, не из детского дома?

Николь на мгновение задумалась, ее взгляд стал отстраненным, будто она заглядывала куда-то внутрь себя. Затем быстро, почти рефлекторно, кивнула.

– Да, из детского.

Она солгала. Солгала так естественно, так органично, что у Светы не возникло и тени сомнения. В ее голосе не дрогнула ни одна нота, во взгляде не мелькнуло ни капли смущения. Это была идеальная ложь.

В голове у Светы все разом встало на свои места. «Так вот оно что... Олег просто пожалел ее. Он ведь сам из детского дома. Значит, ничего серьезного».

Ей стало заметно, физически ощутимо легче. Тот тяжелый, холодный камень ревности, что давил на сердце все это время, будто немного ослабил свою хватку.

– Ну что ж, тогда берем тебе пижамку, – улыбнулась Света, и в ее улыбке теперь читалось снисходительное, почти покровительственное отношение. Она смотрела на Николь уже не как на соперницу, а как на странную, немного жалкий проект милосердия Олега.

После нескольких часов в торговом центре у Николь сформировалась скромная, но практичная стопка самого необходимого. Пара джинсов, простые шорты, несколько простых футболок и одна уютная, мягкая кофта. Никаких излишеств, ничего лишнего, только то, что действительно пригодится в жизни. Света наблюдала за ее выбором с растущим любопытством. Эта девочка явно не была избалована роскошью. Она бережно перебирала вещи, взвешивая каждую покупку, будто боялась взять что-то ненужное.

– Может, платье примеришь? – предложила Света, указывая на элегантное черное платье на манекене, которое так и кричало о вечеринках и светской жизни.

– Нет, не хочу платье, – Николь покачала головой, ее взгляд даже не задержался на наряде.

– Сумочку? – не унималась Света, уже предвкушая, как будет учить ее выбирать аксессуары.

– О, точно! – глаза Николь загорелись. – Но я возьму рюкзак.

Она уверенно направилась к стойке и выбрала удобный, черный, но стильный рюкзак – практичный и в то же время симпатичный. Она примерила его, закинув на одно плечо, и удовлетворенно кивнула.

Света лишь вздохнула про себя, глядя на этот выбор. «Да уж, не из тех, кто гоняется за брендами и каблуками». И в этом простом, осознанном выборе читалась целая история жизни, которую Света, со всеми ее догадками, даже не могла до конца представить. Ее уверенность в собственной правоте снова пошатнулась, уступая место легкому, непонятному беспокойству.

Когда они уже направились к выходу, у парадного входа в торговый центр плавно, почти бесшумно остановился Мерседес. Из него вышел Олег, его взгляд сразу же нашел Николь. За ним вывалился Сергей, небрежно закуривая, его поза выражала скуку и легкое раздражение.

– Ну что, как прошло? – спросил Олег, его глаза мягко скользнули по скромным пакетам в руках у Николь. – Успехи в покупках?

– Скромно, – ответила Света, слегка подчеркивая это слово, в ее голосе звучала легкая снисходительность.

– Все-таки скромно? – Олег улыбнулся, но не ей, а повернулся к Николь, его взгляд стал теплым и вопрошающим.

– Я взяла только то, что мне действительно нужно, – ответила она спокойно, без тени смущения или оправдания. Ее голос был ровным, уверенным.

– Правильно, – одобрительно кивнул Олег. – Если что-то еще понадобится, всегда успеешь съездить. Может, перекусим где-нибудь?

Света изящно приложила руку к виску, изображая легкую мигрень:

– Нет, что-то голова разболелась... Я, наверное, поеду.

Сергей тут же отмахнулся, делая гримасу.

– Я пас, домой.

– Ок, – Олег не стал настаивать, его внимание было полностью приковано к Николь. – Тогда, Николь, пойдем что-нибудь вкусное найдем.

– С удовольствием, – она улыбнулась, и в ее глазах мелькнуло что-то теплое, почти благодарное, что заставило Олега улыбнуться в ответ.

Он взял у нее пакеты, отнес и аккуратно сложил в багажник машины. И они направились в глубь торговой галереи в поисках еды. Сергей, бросив взгляд им вслед, ткнул пальцем в сторону двух крепких парней, незаметно стоявших поодаль.

– Виталик, Дима, проследуйте за шефом. Не теряйте.

Те молча кивнули и тут же растворились в толпе, превратившись в тени, следующие за своей целью.

Света и Сергей сели в машину. Когда Света выехала на оживленную дорогу, она не выдержала, и вопрос, давивший на нее все время, вырвался наружу:

– Откуда она свалилась, эта принцесса? Где он ее нашел?

Сергей усмехнулся, выпуская струйку дыма в приоткрытое окно.

– Не поверишь. Она споткнулась об нашу машину.

– Что? – Света резко повернулась к брату, чуть не спровоцировав аварию. – Что значит, «споткнулась об машину»?

– Да вот так. Мы почти не ехали. Тьма крошечная. И вдруг – бах! – Сергей развел руками, изображая нечто бесформенное. – Лежит на дороге. Поэтому я даже не знаю... Может, она и правду свалилась с луны.

Света задумалась, уставившись на дорогу перед собой. В голове крутились обрывки мыслей, складываясь в тревожную картину: «Детдом, скромные вещи, пижамка с Микки Маусом... А теперь вот это – споткнулась об машину?» История становилась все страннее и неправдоподобнее. И тем интереснее. Глаза Светы сузились. Она не собиралась оставаться в стороне.

Глава 5

На первом этаже торгового центра, среди блестящих витрин и мягкого рассеянного света, расположился элегантный ресторан европейской кухни. Его столики, накрытые белоснежными скатертями, и приглушенная музыка словно манили в свой уютный, изысканный мир. Олег чуть заметно кивнул в его сторону, предлагая зайти. Но Николь замялась, ее взгляд скользнул по роскошному интерьеру и задержался на скромной вывеске в противоположном конце галереи.

– Нет, – она робко указала пальчиком. – Вон там, кажется, пиццерия.

Уголки губ Олега дрогнули в легкой, почти незаметной улыбке. В ее выборе не было каприза – была искренняя, простая тяга к чему-то знакомому и непритязательному.

– Значит, идем за пиццей, – легко согласился он, и они направились к ярко освещенному заведению, откуда уже доносился пьянящий аромат свежеиспеченного теста и специй. Два охранника последовали за ними, сохраняя почтительную дистанцию, сливаясь с потоком людей, но не упуская их из виду.

Внутри было шумно, уютно и по-домашнему оживленно. Красочные плакаты с видами солнечной Италии, деревянные столы с потертыми краями, веселая суэта официантов и волны аппетитного запаха – базилика, чеснока и расплавленного сыра. На их столике уже лежало меню с глянцевыми, соблазнительными фотографиями.

– Какую пиццу предпочитаешь? – спросил Олег, перелистывая страницы.

Николь задумалась, ее пальцы осторожно скользили по изображениям.

– Наверное, сырную... – наконец сказала она, задержав взгляд на одной из картинок. – И еще какую-нибудь интересную... – ее палец остановился на пицце с яркими кусочками ананасов. – О, с ананасами!

Олег слегка поднял бровь, но ничего не сказал, лишь тень улыбки тронула его губы.

– А ты что будешь? – спросила она его, внезапно осознав, что выбирает только для себя.

– Думаю, нам хватит этих двух, – он улыбнулся, откладывая меню. – Хочешь что-то еще? Может, салат? Десерт?

– Нет, – она покачала головой и чуть покраснела, будто боялась показаться жадной или слишком простой. – Только пиццу.

– А коктейль? – мягко предложил Олег.

Ее глаза сразу загорелись, словно у ребенка, которому предложили мороженое.

– Да! И молочный коктейль! Клубничный.

– Отлично, – кивнул он и поймал взгляд официанта.

Тот мгновенно подошел, принял заказ и так же быстро исчез, оставив их в уютном шуме пиццерии. Воздух между ними наполнился легким, комфортным молчанием, прерываемым лишь веселыми голосами вокруг и запахом приближающегося ужина.

Пока они ждали заказ, Николь украдкой посмотрела на двух внушительных мужчин, стоящих у входа.

– А они... не кушают? – тихо спросила она, кивком обозначив охранников.

– Они на работе, – мягко ответил Олег, не поворачивая головы.

– Понятно, – прошептала Николь.

Тишина повисла между ними, но не неловкая, а скорее задумчивая, наполненная ароматами готовящейся еды и далекими голосами других посетителей. Олег наклонился чуть ближе через стол, его голос стал тише, доверительным.

– Как тебе здесь, Николь? – спросил он, и в его глазах читалось искреннее участие.

Она замялась, играя с бумажной салфеткой.

– Ну..., я пока еще не знаю, – честно призналась она. – Я буквально только сегодня приехала... – она вдруг замолчала, будто осознав что-то, и ее взгляд стал растерянным. – Только я не знаю, куда.

Олег слегка смутился, и тень вины мелькнула в его глазах.

– Да, я, кажется, поспешил с вопросами и не рассказал, куда тебя привез, – он провел рукой по волосам, чувствуя себя немного неловко. – Это...

Но в этот момент к их столику подошел официант, и на их столе появились две дымящиеся пиццы – золотистые, с пузырящейся сырной корочкой, усыпанные душистым базиликом. Рядом поставили два высоких бокала с розоватым молочным коктейлем, увенчанные шапкой взбитых сливок и украшенные яркой вишенкой. Аромат был настолько соблазнительным, что Николь невольно улыбнулась, а все тяжелые мысли словно улетучились.

– Кажется, это именно то, что нужно, – с облегчением сказал Олег, и его смущение растаяло перед этим простым детским восторгом.

Последние кусочки пиццы исчезли с тарелок, оставив после себя лишь крошки и приятное чувство сытости. Олег откинулся на спинку стула, удовлетворенно выдохнув:

– Здесь действительно очень вкусно!

– Я вообще никогда такое вкусное не ела! – призналась Николь, с наслаждением облизывая последние капли молочного коктейля с ложки. Ее щеки порозовели, а глаза сияли.

– Да, отличная пиццерия, – улыбнулся Олег. – Хотя я здесь ни разу до этого не был.

Он поймал взгляд официанта и легким жестом попросил счет. Когда тот принес чек, Олег оставил щедрые чаевые, значительно превышающие сумму заказа. Николь заметила, как у молодого человека загорелись глаза от такой неожиданной благодарности, и он, смущенно кивнул, поспешил уйти.

– Знаешь, Николь, – начал Олег, задумчиво, отодвигая пустой бокал, – раз уж я не сказал тебе, куда тебя привез, у меня есть идея получше.

Она подняла на него вопросительный взгляд, в ее глазах плескалось любопытство, смешанное с легкой тревогой.

– Я могу прямо сейчас устроить тебе экскурсию, – его глаза блеснули азартом, словно он и сам был рад этой спонтанной идее. – И буду твоим личным гидом.

– У тебя есть на это время? – неуверенно спросила Николь, не веря, что кто-то может отложить все дела ради такой прихоти.

Олег рассмеялся, и в его смехе звучала какая-то особенная, согревающая теплота.

– На тебя у меня всегда будет время, – сказал он просто, и в этих словах не было пафоса, лишь искренняя уверенность.

Они вышли из шумной пиццерии. Проходя мимо охранников, Олег что-то быстро и тихо сказал им на ухо. Николь не расслышала слов, но Виталик и Дима лишь коротко кивнули ему.

Улица встретила их теплым, ласковым ветерком и мягким, медовым светом заходящего солнца. Воздух пах нагретым за день асфальтом, цветущими цветами. Они неспешно шли вдоль дороги, которая вскоре вывела их к широкой, парадной набережной.

Река широкая и величавая, искрилась в лучах заката, отражая розовые, золотые и лиловые блики. Люди неспешно прогуливались парами, кто-то сидел на зеленой траве с плетенными корзинками для пикника, дети смеялись, выбегая на дорожки, чтобы поймать мыльные пузыри, переливающиеся всеми цветами радуги.

Олег рассказывал о городе так увлеченно и подробно, что казалось, будто он знает здесь каждый кирпичик, каждую трещинку на тротуаре. Он показывал на старинные здания, объяснял, как строились мосты, вспоминал забавные истории из прошлого и городские легенды. Его голос звучал мягко и завораживающе, а жесты были такими живыми и выразительными, что Николь ловила себя на мысли, будто перед ней не суровый бизнесмен, а самый настоящий экскурсовод.

– А вон там, – он указал на высокий, устремленный в небо шпиль вдали, – раньше была пожарная каланча. Однажды зимой... – он начал очередную историю, и его глаза смеялись.

Николь слушала его, зачарованно глядя то на его оживленное лицо, то на места, о которых он говорил. Она ловила каждое слово, каждый оттенок в его голосе. И в этот момент, под шепот реки и смех детей, под теплое золото заката, она вдруг поняла что-то очень важное. Она поняла, что впервые за долгое-долгое время чувствует себя не просто так, не временно, не гостем. А так, как будто она – дома. Именно сейчас. Рядом с этим незнакомым мужчиной, который смотрел на нее так, словно она была самым ценным, что случилось с ним за долгие годы.

Олег, видя, как ее глаза горят живым, неподдельным интересом, рассказывал все увлеченнее и подробнее. Казалось, для него в этот момент не существовало ничего важнее, чем открыть перед ней весь этот мир – мир, в который она неожиданно ворвалась всего день назад. Он говорил о городе не как о территории своего влияния, а как о живом существе, полном историй и тайн.

Сумерки мягко окутали набережную, окрашивая небо в сиреневые и персиковые тона. Вода в реке превратилась в темное, бархатистое зеркало, отражающее первые робкие огни города, зажигающиеся на другом берегу. Они шли не спеша, и Николь даже не заметила, как пролетело время. В его рассказах, в том, как он оживлял историю каждого камня, каждого поворота, было что-то удивительно теплое и родное.

Она не могла вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя так – будто эти неторопливые прогулки, эти доверительные разговоры были частью ее жизни всегда. Рядом с матерью такого точно не было. А здесь, на этой набережной, в мягком свете фонарей, ей казалось, что она наконец-то нашла то, чего ей так не хватало все эти годы – чувство принадлежности, принятия, дома.

Когда Олег закончил свой рассказ о старом арочном мосте, он вдруг остановился и повернулся к ней. Его взгляд стал мягче, задумчивее.

– Николь, а что ты можешь рассказать о себе? – спросил он тихо, чтобы не спугнуть хрупкую атмосферу доверия.

В солнечном сплетении у нее что-то болезненно сжалось. Она опустила глаза, рассматривая трещинки на брусчатке. Что она могла сказать? О чем? О том, как жила эти годы? О том, что ее будто и не было? О тишине, которая была ее главным спутником?

Олег сразу понял ее молчание. Он не стал настаивать, не стал давить.

– Хорошо, – он легко, почти невесомо коснулся ее плеча, и его прикосновение было теплым и успокаивающим. – Тогда не будем. Но скажи мне хотя бы чем ты любишь заниматься? Мне просто хочется понять, что тебе интересно. Чем тебя порадовать?

Она подняла на него глаза, и в их глубине мелькнули искорки облегчения и благодарности.

– Я... я люблю читать, – тихо, почти шепотом призналась она.

– Книжки? – он улыбнулся, и в его улыбке не было ни капли снисхождения, только искренняя радость. – В твоей комнате как раз есть несколько.

– Да, я видела, – кивнула она, и на ее губах появилась робкая улыбка. – Хотела сегодня посмотреть.

– Если чего-то не хватит – купим. Все, что захочешь.

– А еще... – она замялась, снова опуская взгляд, но потом добавила чуть увереннее, – я всегда любила ходить в библиотеку.

– В библиотеку? – его брови чуть приподнялись, от легкого удивления, но в глазах не было и тени насмешки, только неподдельный, живой интерес.

– Хорошо, – кивнул он, и в его голосе прозвучала твердая решимость. – Я узнаю, где здесь ближайшая.

Он произнес это не как пустое обещание, а как данность. Как следующий пункт в их общем, только что родившемся плане.

Николь вдруг вспомнила. Вспомнила так ярко, будто это было вчера. Маленькую районную библиотеку с пахнущими старыми книгами стеллажами, скрипучий паркет и доброе лицо библиотекарки – женщины с седыми волосами, уложенными в аккуратный пучок, которая всегда встречала ее улыбкой. Та часто угощала ее чаем, и подбирала ей особенные книги. Те, где герои, пройдя через все испытания, обязательно находили счастье.

А потом, когда наступала ночь и холодный подъезд становился ее временным пристанищем, она читала при призрачном свете уличного фонаря, пробивавшегося сквозь грязное стекло. Она полностью растворялась в этих историях, и там, среди пожелтевших страниц, у нее была другая жизнь – яркая, полная приключений и, главное, счастливая. Книги были ее окном в мир, где не было одиночества.

– Только... – она вдруг спохватилась, и тень грусти скользнула по ее лицу. – У меня нет документов, – прошептала она, и эти слова прозвучали как приговор, возвращающий в суровую реальность. – Ни паспорта, ничего...

– Точно! – Олег хлопнул себя по лбу с такой комичной искренностью, что у Николь невольно дрогнули уголки губ. – Совсем не подумал. Пустяки! Знаешь, что, мы приедем, и все оформим. Договорились?

Он сказал это так легко и уверенно, будто речь шла не о бюрократической волоките, а о покупке еще одной книги. Она кивнула, и в этот момент они вышли к оживленной дороге, где их уже ждали две черные машины – знакомый Мерседес и строгий седан. Охранники стояли рядом, но в этот вечер, окутанный сумерками и тишиной, они казались Николь не стражами, а просто частью этого нового, пока еще непонятного, но такого теплого и обнадеживающего мира, что начал выстраиваться вокруг нее.

– Поехали? – спросил Олег, открывая перед ней дверь машины с таким жестом, будто открывал дверь в новую жизнь.

– Поехали, – ответила она и впервые за долгое-долгое время почувствовала, что это не просто слово, а настоящее обещание. Обещание начала. Его рука легла на ее спину, направляя в салон, и это прикосновение было не властным, а бережным – словно он боялся спугнуть хрупкую птицу, которая наконец решила взлететь.

Глава 6

Машины плавно подъехали к дому, длинные лучи фар выхватывали из темноты подъездную аллею, оставляя за собой лишь тающий в ночи свет. У крыльца уже толпились люди – темные, напряженные силуэты на фоне освещенного парадного входа. Сергей, несколько охранников в темных костюмах, пара дополнительных автомобилей с тихо работающими двигателями, выпускающие легкий пар в прохладный воздух. В атмосфере висело ощущение спешки, скрытого напряжения, будто воздух сгустился перед грозой.

Сергей резко, почти порывисто, распахнул дверь со стороны Олега.

– Нам необходимо ехать. Сейчас. – Его голос звучал необычно жестко, сдавленно, будто он с трудом сдерживал эмоции.

Олег неспешно повернул голову. Его лицо в полумраке салона казалось спокойным, почти отстраненным.

– Что-то очень срочное? – спросил он, его голос был ровным, без тени волнения.

– Очень проблемно срочное, – Сергей нервно провел рукой по подбородку, и в этом жесте читалась усталость и раздражение.

В салоне на мгновение повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь тихим гулом мотора. Олег глубоко вздохнул, как бы взвешивая что-то внутри.

– Подожди пару минут, – произнес он твердо.

– У нас нет пары минут! – Сергей почти выкрикнул, но сразу же взял себя в руки, сжав кулаки. – Олег...

Олег посмотрел на него долгим, тяжелым, изучающим взглядом. Взглядом, который не терпел возражений.

– Пару минут подождешь, – повторил он уже без тени вопроса в голосе.

С этими словами он вышел из машины с невозмутимым спокойствием, будто происходящее вокруг было лишь мелкой суетой. Он обошел капот, его шаги были размеренными и точными, и открыл дверь Николь. Его движения были лишены суеты, будто вся эта ночная спешка его совершенно не касалась.

– Теперь мне необходимо уехать, – сказал он, мягко помогая ей выйти и провожая ее к входу. В свете уличного фонаря его лицо казалось усталым, на лбу залегли легкие морщины заботы, но голос, обращенный к ней, оставался теплым и спокойным. – Думаю, ты сможешь ознакомиться с книгами. Если что-то понадобится – спроси у тети Оли. Хорошо?

Николь кивнула, ее широко раскрытые глаза смотрели на него со смесью доверия и легкой тревоги.

– Хорошо.

Ее взгляд непроизвольно скользнул за спину Олега к ожидающим машинам, к напряженным, суровым лицам мужчин, готовых к действию. В этой ночной спешке было что-то тревожное, чужое, но спрашивать она не стала. Не сейчас.

– Спокойной ночи, – тихо добавила она, уже зная, что вряд ли уснет, пока не услышит, как вернутся машины.

Олег легонько, почти невесомо коснулся ее плеча, словно пытаясь передать уверенность, которой, возможно, и сам не чувствовал в этот момент. Затем развернулся и твердыми шагами направился к ожидающей группе.

Дверь закрылась за Николь, оставив ее одну с тишиной огромного дома. Где-то вдалеке уже заревели двигатели, и свет фар мелькнул в окнах, прежде чем исчезнуть в ночи.

Николь поднялась в свою комнату, где сразу же направилась к книжной полке. Ее пальцы будто движимые собственной волей скользили по корешкам, пока не остановились на одном

романе с незнакомым названием. Она взяла его с полки. Книга пахла старыми страницами и чем-то уютным, как будто ждала именно ее.

Устроившись в глубоком кресле, укутавшись в мягкий плед, она создала себе маленькое убежище. Включенная настольная лампа отбросила на стену теплый, янтарный круг света, крошечный островок спокойствия и уюта. Но едва глаза ее скользнули по первым строчкам, как вдруг осознала – очень хочет чаю.

Кухня встретила ее неярким, приглушенным светом, а каким-то домашним, будто специально прибереженным для ночных раздумий. Николь нашла чай, поставила чайник и задумалась: а есть ли что-нибудь сладкое к чаю?

В этот миг тишину нарушил сдержанный скрип. Дверь на кухню приоткрылась, и в проеме возникла тетя Оля, окутанная мягким полусветом.

– Ой, простите, – смущенно выдохнула Николь, чувствуя себя неловким гостем, пойманным на вольности. – Я тут немного... хозяйничаю.

– Ничего, детка, – голос пожилой женщины прозвучал бархатно, а в уголках ее глаз собрались лучистые морщинки, складываясь в картину безмерной доброты. – Я даже рада. Давай вместе похозяйничаем.

– Это я вас разбудила? – обеспокоенно спросила Николь.

– Нет, что ты, нет! – тетя Оля мягко замахала руками. – Я тесто поставила, к утру пирожков хочу напечь.

– Пирожки... – прошептала Николь, и глаза ее вдруг засияли таким детским, неподдельным восторгом, что вся ночная тоска разом отступила. – А я... а я могу вам помочь?

Тетя Оля рассмеялась тихим, грудным, очень теплым смехом, от которого в доме будто стало светлее.

– Я буду только благодарна, деточка. Только, пожалуйста, скажи мне еще раз свое имя, а то я его не запомнила.

– Меня зовут Николь, – ответила девушка, и в этот момент чайник зашипел, наполняя кухню уютным звуком кипящей воды.

Так, среди ночи, в теплом свете кухонной лампы, началось их неспешное совместное дело. Пальцы Николь, неуверенные и неловкие, постепенно перенимали сноровку и мудрость, что жили в натруженных, добрых руках тети Оли. Они замешивали упругое, живое тесто, пахнущее дрожжами и теплом, раскатывали его в тонкие пласты, и девушка ловила себя на мысли, что сам ритм этого процесса ровный, успокаивает душу куда лучше любых лекарств. Они говорили о пустяках – о погоде за окном, о книгах – и в этих простых словах Николь с неожиданной ясностью ощутила, что такое быть не гостем, а частью дома. Частью этого целого, где каждое движение наполнено тихим, осмысленным любовным трудом.

Когда последний противень с румяными, идеальными пирожками отправился остывать на большой стол, Николь прижала ладони к краю столешницы и почувствовала странное, сдавливающее горло тепло глубоко в груди. Она впервые в жизни пекла. Чувствовала, как под пальцами оживает податливая плоть теста, сама лепила забавные уголки, смазывала их золотистым желтком, суетясь с кисточкой, как заправский художник. Это было именно то, о чем она так безнадежно мечтала в детстве: представить, как стоит у стола не одна, а с мамой, вместе раскатывают тесто, смеются над неудачными, кривыми формами, а потом пробуют первый, обжигающий пальцы пирожок. Но вместо мамы рядом оказалась тетя Оля – добрая, бесконечно терпеливая, с руками, знающими толк в самом главном – в том, как создать уют. И хотя мечта не сбылась так, как рисовало ее одинокое детское воображение, в этом новом, неожиданном ее воплощении было что-то щемяще-настоящее, глубокое и подлинное.

– Детка, уже скоро утро, – тетя Оля смахнула со лба прядь седых волос и вытерла руки о клетчатый фартук. – А ты все со мной. Давай-ка спать.

– Я еще успею выспаться, – улыбнулась Николь, и улыбка эта была непривычно легкой, без привычной грузинки в уголках губ. – Сегодня я никуда не спешу.

– Что ты хотела бы сделать, когда проснешься? – спросила женщина, пристально и с любопытством глядя на нее.

– Даже не знаю, – честно призналась Николь, оглядывая ставшую вдруг такой родной кухню.

– У нас, знаешь, очень хороший сад есть, – тетя Оля подмигнула ей, как заговорщица. – Качели под яблоней, гамак меж двух берез. Позавтракаешь пирожками и выйдешь – свежий воздух, солнышко...

– М-м-м, завтрак с пирожками! – повторила Николь, и взгляд ее невольно скользнул к румяной горке на столе.

Не в силах устоять, она потянулась к ближайшему, еще теплому.

– Можно я... один съем прямо сейчас?

– Конечно, родная, конечно! – рассмеялась тетя Оля. – На то они и нужны, чтобы радовать нас.

Хрустящая корочка поддалась с тихим хрустом, и внутрь хлынул густой, темно-рубиновый вишневым джем. Сладкая, с едва уловимой кислинкой, река разлилась по языку, и Николь непроизвольно зажмурилась от наслаждения, издав тихий, детский звук восторга.

– Ух ты!.. Это обалденно!..

– У меня все обалденное, – с тихой, неподдельной гордостью произнесла тетя Оля, управляя фартурк. – Даже джем сама варю.

– Это вы сами? – Николь сделала большие круглые глаза, смотря на женщину с новым, почтительным изумлением.

– Сама-сама, – кивнула та. – С сахарком, с любовью.

– Восхитительно...

– Вот и отлично. Днем прогуляешься, книжку считаешь в гамаке, а там, глядишь, и Олег приедет. Сами решите, чем заняться. – Она сказала это легко, ненавязчиво, оставляя за ней право выбора.

Тишина в доме была густой и звенящей, она обволакивала со всех сторон, как тяжелый, неподвижный воздух после грозы. Николь замерла на середине лестницы, прислушиваясь. Ни веселых голосов, ни сонного шарканья по полу – лишь собственное дыхание и навязчивый стук сердца в ушах.

«Ладно, – тихо выдохнула она, и слово повисло в безмолвии, ни к кому не обращенное. – Пойду-ка я спать».

«Давай, малышка, сладких снов», – донесся снизу ласковый, сонный голос тети Оли. Эти слова стали маленьким якорем спокойствия в ночном одиночестве.

В своей комнате Николь машинально подошла к окну. Ночь за стеклом была бездонной и бархатной, лишь ветер шевелил листья деревьев, они шелестели, будто перешептывались о чем-то своем. Она умылась прохладной водой, надела свою новую мягкую пижамку с забавным Микки Маусом.

И снова подошла к окну, как раз в тот момент, когда во двор разрезая темноту яркими фарами въехали машины. Черные, бесшумные, словно хищники. Из первой вышел он. Олег. Но это был не тот Олег, который смеялся с ней за пиццей, чьи глаза искрились озорными искорками. Не тот человек, что с таким теплом рассказывал истории о городе.

Его лицо в холодном свете луны было высечено из камня – жесткое, отчужденное, с плотно сжатыми губами. Движения – резкие, отточенные, лишённые всякой плавности. Он рывком открыл заднюю дверь, вытащил за шиворот какого-то мужчину, и без лишних слов, с короткого замаха ударил его в лицо. Удар прозвучал глухо и ужасающе громко в ночной тишине.

Николь инстинктивно дернула за штору, и тяжелая ткань с шорохом захлопнулась, но увиденное уже врезалось в сетчатку глаза, жгучим и неизгладимым кадром. Сердце в груди забилося с такой бешеной силой, что перехватило дыхание. Она метнулась к кровати, нырнула под одеяло с головой, как в детстве, когда монстры из сказок казались реальными и прятались в темном углу. Только сейчас монстр был настоящим. И у него было лицо человека, которому она начала доверять.

«Кто он? – стучало в висках. – Что это за мир, в который она попала?».

Вопросы, острые и безответные, кружились в сознании вихрем, заглушенные лишь далекими приглушенными голосами со двора и леденящим, всепоглощающим страхом.

Сон бежал от нее, как преследуемая добыча. Николь ворочалась, кусала губы, сжимала пальцами край одеяла, пытаясь найти хоть какую-то точку опоры в этом рухнувшем мире. Но все было напрасно. Стоило только закрыть глаза – и перед ней вновь возникал тот момент. Олег, его резкое движение, сжатый кулак, чужая кровь на камнях двора.

И в этот самый миг, когда кошмар в голове достиг пика, раздался тихий, но отчетливый скрип у двери.

Сердце Николь бешено забилося с такой силой, что, казалось, вот-вот разорвет хрупкие ребра и вырвется наружу. Она замерла, вжавшись в матрас, не смея дышать, и почувствовала, как по ее спине пробежали ледяные мурашки. В абсолютной тишине комнаты отчетливо прозвучали шаги – негромкие, но твердые и уверенные. Они приближались к кровати. Воздух сгустился, наполнился напряженным ожиданием.

Мягкий звук – и край матраса под ее ногами едва заметно прогнулся. Кто-то присел рядом. И в тот же миг ее обволокло, словно невидимым покрывалом его запахом. Она узнала его не по шагам и не по голосу, а именно по нему – тонкому, дорогому аромату парфюма с нотками сандала и бергамота, смешанному с ночной прохладой, что прицепилась к ткани его куртки, и чем-то еще... неуловимо мужским, теплым, своим. Олег.

Его пальцы, на удивление осторожные и мягкие, коснулись ее волос. Он медленно, почти с благоговением, провел по растрепанным прядям, словно успокаивая испуганного котенка. Она чувствовала каждое прикосновение кожей головы, каждый нервный импульс, бегущий по всему телу. И тогда она почувствовала нечто большее – едва уловимое изменение в самом воздухе, исходящее от него. Она не видела его лица, но всем существом ощутила, что он улыбается. Такая тихая, сокровенная улыбка, которую можно услышать лишь душой.

И с ней начало происходить что-то странное. Образ того жесткого, опасного мужчины с холодными, как сталь, глазами, которого она видела во дворе, начал таять прямо здесь, в безопасной темноте ее комнаты, под нежным прикосновением его руки. Его грозная, тяжелая энергия, еще мгновение назад казавшаяся такой чужеродной, становилась мягче, добрее, обволакивающей. Казалось, он сам переступал какую-то невидимую грань, сбрасывая с себя кожуру ночного хищника и возвращаясь к тому, кем был днем.

Теперь перед ней, даже сквозь сомкнутые веки, она это ясно понимала, был тот самый Олег. Тот, что заразительно смеялся за пиццей, с увлечением рассказывал истории на набережной, чья забота чувствовалась в каждой мелочи. Она инстинктивно цеплялась за этот хрупкий, почти волшебный миг, боясь, что малейшее ее движение разрушит его. Что если он поймет, что она не спит, все снова изменится, и стальные ставни захлопнутся в его глазах вновь.

Его пальцы еще раз скользнули по ее волосам, затем осторожно поправили одеяло, укрывая ее плечо с нежностью. Прозвучал тихий, почти неслышимый вздох. Шаги, удаляющиеся к двери. И снова тишина.

Но теперь в ней было что-то новое. Недосказанное. Тревожное. Но уже не такое всепоглощающе страшное. Николь медленно разжала пальцы, вцепившиеся в простыню, и наконец, открыла глаза, вглядываясь в темноту туда, где только что был он.

«Кто ты, Олег?» – беззвучно прошептало ее сердце.

Но ответа не последовало. Лишь легкий, почти призрачный след его прикосновения в ее волосах и странное, щемящее чувство, что в этой кромешной тьме ей, возможно, удалось разглядеть его самого – настоящего.

Глава 7

Николь проснулась поздно, когда солнце уже вовсю хозяйничало в небе, заливая комнату теплым, медовым светом. Золотистые лучи лениво ползали по стенам, играя в пылинках, танцующих в воздухе. За окном царил безмятежная симфония летнего утра: звонкий пересвист птиц, шелест листвы, ласкаемый легким ветерком, что заботливо колыхал белоснежные занавески. Она сладко потянулась, ощущая под одеялом остатки сна, и безмятежно улыбнулась. Воздух был наполнен тишиной и покоем.

Взяв с прикроватной тумбочки книгу, она босиком спустилась вниз. В гостиной ее уже ждало щедрое солнце и... настоящее пиршество. Стол ломился от румяных пирожков, аккуратно разложенных на столе. Аппетитно румяные пирожки, источая сладкий духовитый запах свежей выпечки и вишневого варенья. Николь прихватила два самых заманчивых, налила в кружку душистого чая, и ее, словно магнитом, потянуло в сад.

Сад встретил ее оглушительным хором птиц, пьянящим ароматом свежескошенной травы и нежным благоуханием роз. Она нашла уединенные качели под раскидистой яблоней, что создавала приятную, кружевную тень. Устроившись поудобнее, она откусила кусочек пирожка, и сладкая вишня разлилась по небу, затем открыла книгу. Солнце ласково грело ее щеки, птицы пели свои бесконечные песни, и вскоре веки ее отяжелели, а буквы поплыли перед глазами. Книга медленно опустилась на колени.

Она проснулась от странного, но не пугающего ощущения – чувства, что кто-то внимательно и спокойно наблюдает за ней. Открыв глаза, увидела Олега. Он сидел на скамейке напротив, молчаливый и спокойный, будто часть этого солнечного утра. Лучи играли в его темных волосах, а в глазах плясали веселые солнечные зайчики.

– Как спалось, спящая красавица? – спросил он, и в его голосе звучала легкая, почти невесомая улыбка.

– Здесь так хорошо... – она потянулась, как котенок, чувствуя себя удивительно расслабленно. – Но снился какой-то странный сон. Кошмар. Было страшно, а сейчас уже не помню, что именно. Словно дымка какая-то.

– Такое бывает, – кивнул он понимающе. – Теплый день, покой... тело расслабляется, а душа выбрасывает наружу остатки тревог. Сегодня хочу заняться твоими документами. Мне нужно, чтобы ты указала свои данные. Придет один человек, он сделает для них фотографию. Хорошо?

– Да, конечно, – легко согласилась Николь. – А куда все записать?

Олег медленно достал из внутреннего кармана своего пиджака аккуратный сложенный лист бумаги и простую, но добротную ручку.

– Вот сюда, пожалуйста, – произнес он мягко.

Николь взяла ручку. На мгновение ее пальцы замерли, и в этой паузе поместилась целая вечность сомнений. И тогда, совершая тихий, невидимый миру внутренний выбор, она приняла решение. Она сделала себя на год старше – всего на один год, но этот год ощущался как целая пропасть между юностью и взрослостью. И она вывела четким почерком: Николь Рудольфовна Беликова 20 сентября 1982 года.

Ей не хотелось признаваться, сколько ей на самом деле лет. Не сейчас. Не ему. Эта маленькая цифра, спрятанная в глубине души, была ее последним бастионом, крошечной тайной, которую она оставляла только себе в этом внезапно перевернувшимся мире.

– Рудольфовна, – медленно, в раздумье, прочитал вслух Олег, и в его интонации не было ни удивления, ни оценки – лишь тихое наблюдение.

– Да, – тихо отозвалась Николь, и в ее голосе прозвучала легкая усталость от этого звучания. – Поменять бы отчество...

– Неплохая идея, – тут же, почти не задумываясь, поддержал он. – Сделаем тебе новое отчество.

– Какое? – в ее глазах вспыхнуло живое, детское любопытство, и она приподнялась на качелях.

– Вот увидишь, – только и сказал он, и на его губах заиграла та самая, чуть загадочная улыбка, которое обещала маленькое чудо. – Мне нужно ненадолго уехать, но, когда вернусь, думаю, как раз все и будет готово. Сходим тогда погуляем? Отпразднуем новое рождение?

– Конечно! – ее ответ прозвучал так светло и искренне, что Олег невольно улыбнулся в ответ, и его лицо на мгновение стало удивительно мягким и открытым.

– А я постараюсь вернуться как можно скорее, – пообещал он, и в этих словах было что-то большее, чем просто вежливость.

Он еще раз окинул ее теплым, оценивающим взглядом, поправил край книги, лежащей у нее на коленях, легким, почти невесомым движением пальцев, и направился к дому. Николь смотрела ему вслед, пока его фигура не скрылась в темном проеме двери, а затем снова откинулась на спинку качелей, подставив лицо щедрому солнцу, и закрыла глаза.

– Навещу-ка, тетю Олю, – тихо решила Николь, мягко коснувшись босыми ногами еще прохладной травы. Качели тихо вздохнули, освободившись от ее веса.

Она замерла на пороге кухни, наблюдая, как тетя Оля, словно дирижер симфонии утра, ловко управляет с медными кастрюлями и чугунными сковородами. Их мелодичный, уютный перезвон смешивался с шипением масла.

– Тетя Оля? – тихо окликнула она.

Пожилая женщина обернулась, и ее лицо, испещренное морщинками-лучиками, сразу озарилось теплой, солнечной улыбкой, словно она ждала именно этого визита.

– Да, моя девочка, ты уже проснулась? Красота-то какая на улице!

– Конечно, – Николь застенчиво переминалась с ноги на ногу. – Вот думаю, чем бы таким заняться... Может, вам помочь чем-нибудь?

– Да отдыхай, Николь, гостить надо, а не работать, – ласково пожурела ее тетя Оля, но в ее глазах светилось одобрение.

– Ну что я буду отдыхать? – рассмеялась Николь и в ее смехе прозвенела легкая, едва уловимая нотка беспокойства, потребность быть полезной, нужной здесь и сейчас. – Не отдыхает мне что-то.

Тетя Оля на мгновение приостановилась, оценивающе посмотрела на нее своим мудрым, пронизательным взглядом, а затем с легким вздохом согласия кивнула.

– Что ж, раз так, будем вместе обед варить. В четыре руки и дело спорится, и песня веселее.

– Отлично! Я только за.

Вскоре Николь уже сидела на удобном кухонном табурете, сосредоточенно орудуя ножом. Она старательно очищала картофель, и тонкие, почти прозрачные спиральки кожуры аккуратно ложились на газету. Воздух наполнялся терпким ароматом свежего лука, сладковатой зелени и чем-то неуловимо домашним, настоящим на травах и доброте.

Работая, она украдкой наблюдала за тетей Олей, за ее плавными, выверенными годами движениями. В тишине, нарушаемой лишь постукиванием ножа и бульканьем супа, ее вопросы казались слишком громкими, но любопытство пересилило.

– Тетя Оля, а не подскажешь... кто еще живет в доме? – осторожно спросила она, откладывая последний, идеально очищенный картофель.

Женщина ненадолго задумалась, не переставая помешивать деревянной ложкой что-то ароматное в большой кастрюле.

– В доме-то? Живут тут Олег, Сергей, сестра Сергея, Света... Ну и несколько работников, включая меня.

– А чем... Света занимается? – еще тише поинтересовалась Николь.

– Света, Света... – тетья Оля на мгновение закатила глаза к потолку, будто ища ответа меж деревянных балок. – Честно, детка, не знаю я, чем занимается Света. Чем-то занимается, – она мягко улыбнулась, снимая напряжение.

Николь почувствовала, что зашла слишком далеко, и поспешила отступить.

– Ладно, хорошо, простите, не буду больше спрашивать.

– Ну и правильно, – тетья Оля одобрительно подмигнула ей, передавая миску с очищенными овощами. – Давай-ка лучше займемся готовкой. Лучше всяких ответов. Если что-то действительно важно – само тебя найдет, когда придет время.

Николь молча кивнула, принимая простую мудрость этих слов. Она протянула руки к новой порции овощей, чувствуя, как кухонное тепло, размеренный ритм работы и доброе присутствие тети Оли мягко растворяют ее тревожные мысли. В этом простом совместном деле – приготовлении обеда – было что-то удивительно умиротворяющее и целительное.

За окном солнце неспешно продолжало свой путь по лазурному небу, отбрасывая на кухонный стол длинные, золотистые блики, в которых танцевали мельчайшие пылинки. За этим столом, заваленным овощами и зеленью, сидели две женщины – одна с мудростью прожитых лет, запечатленной в лучиках вокруг добрых глаз, другая – с судьбой, еще не раскрывшей свои карты, словно нераспустившийся бутон. Они находили общий язык не в словах, в тихом, слаженном ритме домашних хлопот, в понимающих взглядах и молчаливом согласии.

Их уединение ненадолго нарушил появившийся на пороге охранник, сообщивший, что прибыл фотограф. Николь на мгновение смутилась, вытерла руки о полотенце и вышла. Молодой парень с профессиональной легкостью сделал несколько снимков, вспышка на миг ослепила ее, и вот она уже возвращалась на кухню, к знакомому теплу и ароматам.

Тетья Оля выключила последнюю конфорку, и по кухне разлилось торжественное, сытое безмолвие завершенного труда, по дому разнесся хорошо знакомый голос, наполненный нетерпением и энергией:

-Николь! Николь!

Девушка поспешно вытерла ладони о льняное полотенце и вышла в коридор.

– Я здесь!

Олег обернулся на ее голос, и его лицо, всего секунду назад сосредоточенное, мгновенно озарилось широкой, искренней улыбкой, от которой стали лучистыми даже его обычно строгие глаза.

– А, вот ты где! А я уж тебя по всему дому обыскал.

– Что случилось? – спросила она, еще не успев сбросить с себя целительную ауру кухонного уюта.

– Она тут у меня весь обед практически сама приготовила! – не удержалась тетья Оля, появляясь в дверном проеме с сияющим от гордости лицом, словно представляющая драгоценную находку.

– Сама? – неподдельно удивился Олег, поднимая брови.

– Да нет же! – вспыхнула Николь, чувствуя, как по щекам разливается горячая краска. – Я просто помогала, совсем чуть-чуть...

– Практически все сама сделала, – настаивала тетья Оля, многозначительно подмигивая Олегу через голову смущенной девушки. – От начала и до конца.

– Какой аромат... невероятный, – Олег глубоко вдохнул, закрыв на мгновение глаза, будто пробуя воздух на вкус. – Обязательно попробуем, как только вернемся. А сейчас, – он загадочно улыбнулся, и в его взгляде заплясали веселые искорки, – у меня для тебя два сюрприза.

– Два сюрприза? – глаза Николь расширились от живейшего любопытства, а сердце делало в груди веселый кувырок.

Олег мягко, почти невесомо взял ее за руку и повел за собой через гостиную во двор. Яркое солнце играло изумрудными бликами на листьях, а ласковый летний ветерок тут же принялся нежно шевелить ее волосы, словно приветствуя и желая удачи.

– Первое. Твои документы готовы, – произнес Олег, и в его голосе звучала торжественная, сдерживаемая улыбка. Он протянул ей новый, темно-бордовый паспорт. – Открывай!

Сердце Николь забилося чаще. Она взяла его дрожащими пальцами, ощущая подушечками гладкую, почти шелковую поверхность обложки. Сделала глубокий вдох и раскрыла. Взгляд сразу упал на аккуратные строчки на первой странице. «Филиппова Николь Александровна».

– Александровна... – прошептала она, пробуя звучание нового отчества на языке. Оно было мягким, благородным, словно всегда должно было принадлежать ей. – Звучит... хорошо. А Филиппова? – ее взгляд, полный недоумения и любопытства, встретился с его взглядом.

– Ну, я тут немного пофантазировал, – Олег загадочно улыбнулся, и в уголках его глаз собрались лучики смешинки. – Видишь ли, мы с тобой... женаты.

– Подожди, женаты? – она не поверила своим ушам. Воздух словно вылетел из легких.

– Да, – его улыбка стала шире. Он бережно перевернул страницу, где красовался штамп. – Вот, смотри штамп. Мы с тобой муж и жена.

– Значит я... замужем? – Николь снова посмотрела на него, потом на паспорт, не в силах осознать этот факт. Мир на мгновение поплыл перед глазами.

– Да. Так будет безопаснее. Меньше лишних вопросов. Логично, правда? – он говорил мягко, но уверенно, его слова звучали как неоспоримая истина.

– Наверное, да... – она медленно кивнула, все еще пытаясь собраться с мыслями. Вдруг ее взгляд упал на ее собственную, пустую безымянную руку. – Но... у меня нет обручального кольца, – застенчиво заметила она, словно извиняясь за эту несостыковку в тщательно продуманном плане.

– Ой, черт! Точно! – Олег с комичным ужасом хлопнул себя ладонью по лбу. – Про кольцо я совсем забыл. Ну ничего, это запросто исправим. Это будет твой третий сюрприз.

– А у... мужа... должно быть кольцо? – еще тише, почти шепотом, осторожно спросила Николь, смотря на его руку.

– О, – он рассмеялся, и его смех прозвучал легко и свободно. – Вот это я совсем упустил из виду. Значит, будет два кольца!

Легко взяв ее за плечи, он мягко развернул ее лицом к двору.

– А вот и второй сюрприз.

На солнце, сверкая идеально чистым лаком вишневого оттенка, стоял элегантный седан.

– Это твоя машина.

– Я... я очень рада, – прошептала Николь, у нее перехватило дыхание от такой щедрости. – Но я не умею водить, – добавила она с легкой паникой в голосе, глядя на этого стального коня, который теперь принадлежал ей.

– Это решаемо! – весело парировал Олег. – У тебя теперь есть документы. Я уже записал тебя в лучшую автошколу города. Первое занятие – завтра. Как только получишь права, эта красавица, – он с нежностью провел рукой по капоту, – полностью твоя.

Он открыл массивную дверь автомобиля. Салон пахнул новизной, кожей и едва уловимым ароматом его парфюма.

– А сейчас мы на нем прокатимся.

Николь автоматически направилась к пассажирскому сиденью, но Олег мягко остановил ее, взяв за локоть.

– Не-не-не, миссис Филиппова, – сказал он с игривой строгостью. – Ты – за руль.

– Как за руль? – она округлила глаза, в них читался неподдельный, почти детский испуг. – Я же не умею! Я даже не знаю, где что находится!

– А я буду твоим персональным инструктором. Это мы сейчас исправим, – хитро подмигнул Олег, бережно помогая ей устроиться на водительском месте, которое показалось ей вдруг огромным и пугающим.

Кожа сиденья была прохладной и мягкой под ее ладонями. Рулевое колесо блестело, словно приглашая ее взять контроль в свои руки. Она посмотрела на Олега, который ободряюще улыбался ей с пассажирского сиденья, и почувствовала, как страх понемногу начинает уступать место новому, щекочущему нервы чувству – предвкушения свободы.

Олег оказался удивительно терпеливым и спокойным учителем. Его голос, обычно такой властный и уверенный, теперь звучал мягко, обволакивающе, наполняя салон автомобиля теплом и уверенностью. Каждое его слово было точным и ободряющим.

– Вот это – газ, – он легким движением пальца указал на педаль. – Это – тормоз. Запомнишь навсегда. А это, – он бережно взял ее руку, еще не привыкшую к рулю, и мягко направил к рычагу переключения передач, – твоя волшебная палочка, которая заставляет машину слушаться.

Его пальцы были теплыми и уверенными, и это прикосновение заставило ее нервное сердцебиение немного утихнуть.

– Зеркала отрегулированы хорошо? Уверенна, что все видишь? – его взгляд скользнул по боковым зеркалам и зеркалу заднего вида, проверяя.

Николь лишь молча кивала, стараясь впитать каждое слово, каждый жест. Ее пальцы нервно сжимали прохладную кожу руля, оставляя на ней влажные отпечатки. Сердце колотилось где-то в горле, отчаянным перезвоном предупреждая об опасности.

– Ну что, – наконец произнес он, и в его голосе прозвучала безмятежная уверенность. – Теперь поехали.

– К-как поехали? – она растерянно моргнула, глядя на него широко раскрытыми глазами, полными чистого, детского ужаса.

– А на какой скорости мы трогаемся? – спросил он мягко, как будто задавая самый простой вопрос в мире.

– На... на скорости «D», – неуверенно выдохнула Николь.

– Вот именно, – он одобрительно кивнул. – Переключай и трогайся аккуратненько. Не торопись.

Машина резко дернулась и с рычанием рванула с места, когда она слишком сильно вжала в пол педаль газа.

– Ничего-ничего! – Олег рассмеялся, и его смех был не упреком, а легким, облегчающим напряжением ветерком. – Первый раз – всегда так. С опытом будет мягче, как по маслу. Теперь плавненько, плавненько... и направо.

– Ой, – сконфуженно прошептала она, чувствуя, как по щекам разливается краска. – Я в такие моменты всегда путаю, где право, а где лево...

– Ничего, научишься. Это нормально. Поворачивай направо, – его голос был спокойным ориентиром в хаосе ее эмоций.

Они медленно, словно большая, неуклюжая черепаха, поползли по пустынной просёлочной дороге, пока впереди не показался перекресток с главной трассой. И тут Олег неожиданно объявил, разбивая ее хрупкую концентрацию в щепки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.